ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ

РУССКАГО ОБЩЕСТВА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГІИ

ВЪ 1892—93 Г.

ВТОРОЙ ГОДЪ СУЩЕСТВОВАНІЯ.

Протоколъ четвертаго общаго собранія Русскаго Общества Экспериментальной Психологіи, 1 февраля 1892 года.

Присутствовали: Н. П. Вагнеръ, д-ра: Ф. Ф. Фишеръ, Е. О. Марцинкевичъ, Я. М. Миллеръ, В. Д. Лещинскій, В. В. Альбовъ, В. М. Буяльскій, В. В. Строгановъ, Н. І. Рачинскій, В. С. Груздевъ, А. Д. Степановъ и Н. Н. Полежаевъ.

Г. предсѣдатель заявилъ о командировкѣ секретаря Общества, А. В. Елисѣева, въ Оренбургскую губернію и предложилъ избрать въ члены Общества и въ секретари присутствовавшаго на этомъ засѣданіи д-ра В. С. Груздева,—что собраніе и сдѣлало единогласно.

Затѣмъ, г. предсѣдатель предложилъ выбрать въ члены Общества извѣстнаго психолога, помощника редактора журнала «Вопросы философіи и психологіи» Л. М. Лопатина. Собраніе избрало его единогласно.

Предсѣдателемъ была сообщена затѣмъ статья Ломброзо, въ которой знаменитый итальянскій психіатръ высказываетъ свой взглядъ на гипнотическія и медіумическія явленія. Статья, въ переводѣ, была прочтена вслухъ В. Д. Лещинскимъ. Взглядъ Ломброзо напоминаетъ теорію «безсознательной церебраціи», высказанную въ извѣстномъ сочиненіи Карпэнтера, а съ другой стороны, предположеніе, высказанное Гартманомъ и вполнѣ, документально опровергнутое почетнымъ членомъ Общества А. Н. Аксаковымъ въ его сочиненіи «Spiritismus et animismus».

По поводу прочтенной статьи Ломброзо, проф. Вагнеръ сдѣлалъ сообщеніе о психической индивидуальности и въ доказательство справедливости этого взгляда представилъ цѣлый рядъ фотографій, снятыхъ имъ, при его медіумическихъ опытахъ. Сообщеніе это не обсуждалось и не дебатировалось вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія профессора Вагнера, который обѣщалъ еще разъ впослѣдствіи вернуться къ этому предмету.

Затѣмъ, Н. П. Вагнеръ предложилъ избрать въ почетные члены Общества извѣстнаго русскаго психолога А. Н. Аксакова, сдѣлавшаго такъ много въ малоизвѣстной области психизма. Собраніе избрало его единогласно.

Протоколъ годичнаго засѣданія Русскаго Общества экспериментальной психологіи, 4 апрѣля 1892 года.

Присутствовали: проф. Н. П. Вагнеръ, д-ра: Ф. Ф. Фишеръ, Е. О. Марцинкевичъ, В. Д. Лещинскій, А. Д. Степановъ, И. Я. Бибиковъ, В. Ф. Краевскій, П. Ѳ. Семеновъ, М. И. Поварнинъ, В. С. Груздевъ, Л. Г. Карчагинъ (гость), М. Ф. Милостановъ (гость) и ж.-врачъ Строганова.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго, четвертаго общаго собранія (1 февраля 1892 года).

Предсѣдатель, проф. Н. П. Вагнеръ, прочиталъ отчетъ о дѣятельности Общества въ 1891 году:

Милостивые государи!

Прошло болѣе года нашей общей дѣятельности и въ настоящемъ годичномъ засѣданіи прежде всего слѣдуетъ выяснить, что мы сдѣлали въ теченіе этого года. Но прежде чѣмъ я это сдѣлаю, я позволю себѣ указать на одну черту нашего Общества, которой, можетъ быть, вы до сихъ поръ не замѣчали. По моему мнѣнію, эта черта должна служить основнымъ принципомъ каждаго ученаго общества. Дѣйствительно, оно должно отличаться отъ одиночныхъ работъ отдѣльныхъ лицъ, ученыхъ, такъ сказать, коллективностью этой работы. Viribus unitis magis! и этого принципа не проводится, насколько я знаю, ни въ одномъ ученомъ обществѣ. Дѣло въ томъ, что въ этихъ обществахъ научныя работы подготовляются внѣ ихъ засѣданій, тогда какъ въ нашемъ Обществѣ каждое засѣданіе, такъ называемыхъ, спеціальныхъ коммиссій было посвящено какимъ-нибудь опытамъ или наблюденіямъ, и всѣ члены, участвовавшіе въ засѣданіи, вмѣстѣ съ тѣмъ участвовали и въ этихъ опытахъ. Въ другихъ ученыхъ обществахъ читаются и демонстрируются работы ихъ членовъ, и во время этого чтенія присутствующіе члены могутъ относиться къ чтенію совершенно индифферентно. Въ нашемъ Обществѣ этого быть не можетъ. Всѣ члены, присутствующіе въ засѣданіи,

заинтересованы тѣмъ, что происходитъ передъ ихъ глазами, т. е. въ демонстраціи, въ которой всѣ принимаютъ участіе. Вотъ причина, по которой въ немного времени мы могли сдѣлать сравнительно много, и результаты нашихъ трудовъ я теперь вкратцѣ изложу передъ вами.

Наши опыты были посвящены преимущественно мантевизму, или, такъ называемому, «чтенію мыслей». При этомъ ближайшая цѣль наша была констатировать явленіе, показать его реальность и выяснить его психическій характеръ. Въ данное время найдется не мало скептиковъ, которые продолжаютъ утверждать, что явленія мантевизма основаны, съ одной стороны, на чисто матеріальной передачѣ, а съ другой, на догадливости и ловкости отгадывающаго субъекта.

Желая провѣрить такой взглядъ, мы рѣшились приступить къ опытамъ мантевизма безъ всякой предвзятой идеи и воспользовались, въ этомъ случаѣ, богатымъ матеріаломъ, который однако не оправдалъ нашихъ надеждъ. На первый разъ мы желали провѣрить тѣ явленія, которыя уже существуютъ въ литературѣ.

На первомъ же засѣданіи «спеціальной коммиссіи для изслѣдованія мантевизма» мы пришли къ заключенію, что эти явленія находятся въ близкомъ отношеніи къ гипнозу. Субъектъ, надъ которымъ мы производили опыты, выказалъ всѣ признаки гипнотическаго состоянія и наконецъ впалъ въ автогипнозъ. При этомъ опытѣ я сообщилъ случай, котораго былъ свидѣтелемъ и въ которомъ субъектъ во все время опыта былъ въ несомнѣнномъ гипнозѣ. Тотъ же субъектъ одинъ разъ послужилъ своему товарищу для отысканія шкворня, въ лужѣ, въ темную ночь и тѣмъ спасъ и себя, и товарища отъ перспективы оставаться въ темную осеннюю, ненастную ночь посреди дороги.

Въ слѣдующемъ засѣданіи спеціальной коммиссіи, бывшемъ 12-го марта прошлаго года, В. И. К—ва, надъ которой происходилъ опытъ мантевизма, также самопроизвольно, впала въ легкій гипнозъ, о чемъ свидѣтельствовали сонные полураскрытые глаза, ея отрывочныя, какъ бы непроизвольныя, движенія, краска, выступившая на лицѣ и быстрое, учащенное дыханіе.

Въ томъ же засѣданіи почти всѣми присутствовавшими было замѣчено, что нѣкоторыя лица, надъ которыми произведены опыты, подвергались во время ихъ въ большей или меньшей степени гипнотическому состоянію.

Отсутствіе точныхъ признаковъ для гипнотическаго и постгипнотическаго состоянія было неоднократно обсуждаемо въ засѣданіи Общества, но прямыхъ, рѣшающихъ опытовъ здѣсь не было сдѣлано. Въ одномъ изъ этихъ засѣданій г. Фельдманъ доказывалъ обширность средствъ, которыми обладаетъ человѣческій организмъ для симуляціи и на себѣ самомъ показалъ явленіе этой симуляціи. Такъ, онъ показалъ расширеніе и сокращеніе зрачка, независимо отъ свѣчи, которую подносили или удаляли отъ его глазъ. Затѣмъ, вслѣдствіе очевиднаго внутренняго возбужденія, онъ довелъ частоту ударовъ пульса съ 80 до 155 въ минуту, причемъ усиленно поблѣднѣлъ и дышалъ тяжело. Вслѣдъ затѣмъ число ударовъ было имъ уменьшено до 50.

Опыты свои въ этомъ направленіи г. Фельдманъ закончилъ появленіемъ cutis anserina (гусиной кожи), вызванной имъ произвольно на предплечіи лѣвой руки.

Г. Фельдманъ являлся представителемъ чисто физіологическаго или матеріалистическаго взгляда на мантевизмъ. По его убѣжденію, всѣ явленія мантевизма сводятся на болѣе или менѣе ловкіе пріемы субъекта, который является буквально отгадчикомъ задуманной задачи. Чтобы убѣдить въ этомъ Общество, г. Фельдманъ продѣлалъ въ его засѣданіи, бывшемъ 26-го апрѣля, нѣсколько опытовъ болѣе или менѣе удачныхъ, которыми пытался убѣдить членовъ въ томъ, что индукторъ можетъ вызвать у перципіента рядомъ быстрыхъ и неожиданныхъ движеній обнаруженіе задуманной задачи. Затѣмъ, онъ доказалъ опытами угадыванія картъ, что по тепловымъ ощущеніямъ, по близости индуктора, онъ можетъ догадаться, въ какой сторонѣ лежитъ задуманная карта. Самомалѣйшее движеніе его въ ту или другую сторону вполнѣ достаточное для указанія, на которой картѣ онъ долженъ остановиться.

Въ слѣдующемъ засѣданіи, 10-го мая, была доказана справедливость другаго взгляда, причемъ присутствующіе вполнѣ убѣдились, что мантевизмъ есть явленіе *психическое*. Опыты были продѣланы съ С. Е. К—вымъ, и хотя опыта съ мысленными внушеніями на разстояніи не было сдѣлано, по недостатку времени, а также потому, что субъектъ не былъ пріученъ къ нимъ, но опыты съ веревочкой были такъ убѣдительны и поразительны, что г. Фельдманъ и всѣ присутствовавшіе были удивлены, а

Фельдманъ заявилъ, что «ничего подобнаго онъ еще не видалъ въ своей жизни».

Послѣ этихъ опытовъ г. К—въ высказалъ г. Фельдману въ присутствіи почти всѣхъ наличныхъ членовъ, что между теоріей г. Фельдмана и исполненіемъ задачъ имъ, г. К—вымъ, существуетъ та разница, что, по теоріи г. Фельдмана, задачи разрѣшаются *сознательно*, тогда какъ онъ, г. К—въ, разрѣшаетъ ихъ *безсознательно*.

Дѣйствительно, г. К—въ на опытѣ убѣдился, что задачи разрѣшаются тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ болѣе субъектъ погруженъ въ свой внутренній психическій міръ и отрѣшенъ отъ дѣйствительности. Для этой цѣли онъ при всѣхъ опытахъ затыкалъ уши и завязывалъ глаза. Да и г. Фельдманъ для болѣе успѣшнаго разрѣшенія задачъ считаетъ необходимымъ легкое возбужденіе его психической дѣятельности. Въ прежнее время, когда онъ не развилъ въ себѣ гиперэстезіи чувствъ, онъ во время опытовъ всегда завязывалъ себѣ глаза и просилъ, чтобы опыты начинались съ болѣе легкихъ, при которыхъ его психическія способности, возбуждаясь болѣе и болѣе, достигали той степени возбужденія или напряженія, при которой становится возможнымъ и угадываніе сложныхъ задачъ.

Конечно, чтобы рѣшить окончательно вопросъ, дѣйствуютъ ли въ мантевизмѣ психическія способности или только матеріальныя передачи, сдѣланныхъ опытовъ весьма мало. Но, во-первыхъ, г. К—въ отказался отъ дальнѣйшихъ опытовъ, которые, по его разсказамъ, сильно вліяютъ удручающимъ образомъ на отправленія его нервной системы; съ другой стороны, результаты опытовъ были настолько поразительны для всѣхъ присутствующихъ въ засѣданіи, что всѣ сразу пришли къ единогласному рѣшенію и заключили, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какой-нибудь *матеріальной передачѣ*.

Притомъ, эти опыты подтверждаютъ какъ нельзя лучше высказанное выше, т.-е., что мантевизмъ не зависитъ отъ внѣшнихъ воспріятій и что путь передачи мысли зависитъ здѣсь отъ психическихъ способностей агента и перципіента.

Такимъ образомъ, если вопросъ нельзя назвать окончательно рѣшеннымъ, за неимѣніемъ достаточнаго числа опытовъ, то во всякомъ случаѣ сильно намѣчена та сторона, въ которую онъ рано или поздно будетъ рѣшенъ.

Вотъ, мм. гг., первый вопросъ, рѣшеніе котораго, надѣюсь, мы подвинули впередъ нашими опытами.

Я позволю себѣ опустить перечисленіе тѣхъ опытовъ съ мантевизмомъ, которые можно назвать подготовительными и которые не дали никакихъ ясныхъ и рѣшающихъ результатовъ.

Перехожу теперь къ другому ряду опытовъ надъ явленіями ясновидѣнія. Я уже высказалъ въ своей вступительной рѣчи при открытіи Общества, что эти явленія, встрѣчающіяся очень рѣдко, требуютъ, во-первыхъ, субъектовъ съ особенной организаціей и, во-вторыхъ, болѣе или менѣе продолжительной культивировки.

Изъ лицъ, подвергнутыхъ гипнотизированію въ засѣданіяхъ нашихъ спеціальныхъ коммиссій, несмотря на разные способы, употребленные нами при гипнотизаціи, оказался немного склоннымъ къ сомнамбулизму и ясновидѣнію только одинъ субъектъ, Н. И. Константиновъ.

Собственно говоря, несомнѣнныхъ явленій ясновидѣнія при опытахъ съ этимъ господиномъ не случилось. Но заявленія, которыя онъ дѣлалъ въ состояніи гипноза (транса), представляли нѣкоторый интересъ, если, разумѣется, они были совершенно объективны. Для объясненія ихъ необходимо сказать нѣсколько словъ о самой личности этого субъекта. Принадлежа къ интеллигентной средѣ, онъ никогда не подвергался искусственному гипнозу и ничего не читалъ о гипнотизмѣ. Въ то же время гипнозъ его представлялъ нѣкоторую особенность, рѣдко встрѣчающуюся въ гипнотическихъ явленіяхъ, а именно: г. Константиновъ представлялъ какую-то самостоятельную личность, упорно противился внушеніямъ гипнотизатора (г. Фельдмана) и не исполнялъ его приказаній. И этого мало, въ засѣданіи, бывшемъ 17-го мая, онъ просилъ Фельдмана и всѣхъ присутствующихъ отойти отъ него на разстояніе не менѣе 3-хъ саженей. Какъ будто на этомъ разстояніи онъ могъ быть свободенъ отъ вліянія гипнотизатора и всѣхъ лицъ, которыя мѣшали дѣйствовать его психическому организму. Какъ только всѣ присутствующіе отошли отъ него на требуемое разстояніе, онъ началъ говорить и напомнилъ Фельдману фактъ, о которомъ онъ совершенно забылъ—излѣченіе въ Вильно одной дѣвушки. Г. Фельдманъ вспомнилъ и подтвердилъ это. Дѣвушка была, очевидно, сомнамбула, при пользованіи которой г. Фельдманъ, вѣроятно, столкнулся со взглядомъ, діаметрально-противоположнымъ теоріи, которую онъ

теперь защищаетъ такъ энергично. Выяснить окончательно это послѣднее обстоятельство, къ сожалѣнію, не удалось. Но фактъ сомнамбулистическаго ясновидѣнія въ данномъ случаѣ, кажется, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Въ одномъ изъ засѣданій (10-го мая) я обратилъ вниманіе Общества на мнѣніе, которое было высказано г. Константиновымъ въ сомнамбулистическомъ состояніи, а именно—мнѣніи, что г. Фельдманъ сильнѣе г. Вагнера. Какую силу въ этомъ случаѣ разумѣлъ г. Константиновъ, физическую или психическую? Когда г. Константиновъ былъ усыпленъ г. Фельдманомъ, и ему предложили этотъ вопросъ, то послѣ долгаго колебанія онъ съ трудомъ медленно отвѣтилъ: «независимая». Г. Фельдманъ спрашиваетъ: «независимая отъ чего?» Г. Константиновъ молчитъ. Г. Фельдманъ: «выскажите намъ, есть ли это сила физическая?» Г. Константиновъ: «чисто». Г. Фельдманъ: «что такое, что чисто?» Г. Константиновъ послѣ долгаго колебанія произноситъ тихо и неясно: «психическая». Этихъ двухъ опытовъ, конечно, недостаточно для выясненія сложнаго психическаго явленія, но они, какъ кажется, даютъ указанія, въ какую сторону должны быть продолжены эти опыты для окончательнаго выясненія этого вопроса.

Г. Фельдманъ усыплялъ г. Константинова фиксаціей, самовнушеніемъ и пассами, но участіе его, какъ гипнотизатора съ извѣстнымъ упорнымъ предвзятымъ мнѣніемъ, сильно мѣшало дѣлу. Для опытовъ надъ сомнамбулизмомъ необходимо пользоваться только самовнушеніемъ и автогипнозомъ, тогда какъ г. Фельдманъ прибѣгаетъ къ такимъ сильнымъ, энергичнымъ средствамъ, какъ внезапный испугъ субъекта, средствомъ совершенно аналогичнымъ съ дѣйствіемъ внезапнаго, сильнаго электрическаго свѣта, или громкаго звука отъ удара въ гигантскій камертонъ. Эти грубыя средства производятъ и грубые, чисто физіологическія, а не психическія явленія.

Вотъ, мм. гг., вкратцѣ главнѣйшіе результаты нашей дѣятельности за первый годъ существованія Общества.

Я перехожу къ вопросу, разрѣшеніемъ котораго Общество еще не занималось. Вопросъ этотъ явился совершенно неожиданно и случайно. Извѣстный итальянскій нервопатологъ и профессоръ Ломброзо заявилъ о нѣкоторыхъ медіумическихъ явленіяхъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, и на основаніи ихъ тот-

часъ же построилъ теорію настолько же неосновательную, какъ и всѣ подобныя теоріи, предлагаемыя другими изслѣдователями. По поводу этой теоріи я имѣлъ честь представить Обществу результаты моихъ собственныхъ наблюденій надъ образованіемъ, такъ называемыхъ, матеріализованныхъ фигуръ и «двойниковъ» на медіумическихъ сеансахъ. Вотъ всѣ три вопроса, которымъ были посвящены наши труды въ истекшемъ году. Эти труды представляютъ какъ-бы полную программу нашей будущей дѣятельности, выраженную въ немногихъ одиночныхъ опытахъ. Если мы не рѣшили въ такой, сравнительно, короткій срокъ очень запутанные и сложные психологическіе вопросы, то мы тѣмъ не менѣе затронули главнѣйшіе изъ нихъ и въ послѣднихъ засѣданіяхъ коснулись самаго кульминаціоннаго пункта, который долженъ служить конечной и вмѣстѣ руководящею точкой нашихъ изслѣдованій.

Мы познакомились въ теченіе года бѣглымъ образомъ со многими психическими явленіями, и теперь намъ предстоитъ трудъ войти глубже въ изслѣдованіе этихъ явленій. Я полагаю, что главный недостатокъ въ нашихъ работахъ было отсутствіе систематичности. Намъ необходимо урегулировать, насколько это возможно, порядокъ и послѣдовательность нашихъ занятій. Мнѣ кажется, что здѣсь самый прямой и вѣрный путь это—раздѣленіе труда. Я нѣсколько разъ уже предлагалъ раздѣлиться нашему Обществу на небольшіе кружки (коммиссіи), изъ которыхъ каждый могъ бы совершенно удобно заниматься изслѣдованіемъ какого-либо психическаго явленія. Я еще разъ позволю себѣ напомнить то, что было мною высказано при открытіи нашего Общества, т.-е. что, «по самой сущности явленій, опыты въ частныхъ кружкахъ могутъ совершаться гораздо успѣшнѣе, чѣмъ въ средѣ всѣхъ наличныхъ членовъ Общества». Если это условіе крайне необходимо для изслѣдованія мантевизма и ясновидѣнія, то оно становится обязательнымъ условіемъ при изслѣдованіи медіумическихъ явленій. Это conditio sine qua non нашей дальнѣйшей дѣятельности, и позвольте выполнить его и при новой постановкѣ начать нашу дѣятельность въ будущемъ году.

И. д. казначея, д-ръ В. С. Груздевъ, прочиталъ отчетъ о суммахъ Общества за прошедшій годъ. Произведены, согласно

§ 7 устава Общества, выборы предсѣдателя и товарища его на слѣдующій годъ. Были избраны единогласно: предсѣдателемъ—проф. Н. П. Вагнеръ, его товарищемъ—д-ръ Ф. Ф. Фишеръ.

Произведена, согласно § 8 Устава Общества, ревизія суммъ Общества.

Предсѣдатель, проф. Н. П. Вагнеръ, прочиталъ слѣдующее письмо почетнаго члена Общества, А. Н. Аксакова, въ которомъ послѣдній благодаритъ Общество за оказанную ему честь избранія въ почетные члены:

„Многоуважаемый Николай Петровичъ! Русское Общество Экспериментальной Психологіи сдѣлало мнѣ честь избранія меня въ свои почетные члены. Позвольте мнѣ покорнѣйше просить Васъ, какъ предсѣдателя его, передать Обществу мою глубокую благодарность за оказанное мнѣ вниманіе. Я очень хорошо сознаю, что моихъ заслугъ по научной разработкѣ какихъ бы то ни было психологическихъ вопросовъ—не существуетъ; но въ фактѣ, что Обществу угодно было почтить меня избраніемъ въ свои почетные члены,—я усматриваю, что Общество признаетъ достойнымъ изслѣдованія тотъ разрядъ психическихъ явленій, на защиту и разработку которыхъ, въ продолженіе стольких лѣтъ, я неустанно посвящалъ свои труды въ томъ твердомъ убѣжденіи, что глубокое значеніе этихъ явленій для психологіи будетъ рано или поздно признано наукой".

„Мои надежды сбылись, и мнѣ очень отрадно видѣть, что, наконецъ, и у насъ, на Руси, создалось такое Общество, въ программу занятій котораго входитъ вся эта обширная область психизма".

„Не откажитесь взять на себя трудъ передать нашему Обществу мои самыя искреннія пожеланія успѣховъ на этомъ неторномъ пути".

„Примите увѣренія и пр. А. Аксаковъ".

Избраны въ дѣйствительные члены Общества: д-ръ М. Ф. Милостановъ (предложенъ д-рами Ф. Ф. Фишеромъ, И. Я. Бибиковымъ и В. С. Груздевымъ) и Л. Г. Карчагинъ (предложенъ тѣми же членами).

Протоколъ 1-го Общаго Собранія въ 1892 году, состоявшагося 21 октября.

Присутствовали: вицепризидентъ Ф. Ф. Фишеръ, В. С. Груздевъ, А. Н. Аксаковъ, И. Я. Бибиковъ, А. Д. Степановъ, В. Д. Лещинскій, В. В. Альбовъ, Я. М. Миллеръ, П. Ф. Семеновъ, Е. О. Марцинкевичъ.

Вицепрезидентъ Общества Ф. Ф. Фишеръ обратился къ собранію съ слѣдующею рѣчью:

«Мм. гг.! Открывая сегоднешнее засѣданіе, я позволю себѣ прежде всего сказать нѣсколько словъ о настоящемъ положеніи нашего молодого Общества.

На первыхъ порахъ учрежденія «Русскаго Общества Экспериментальной Психологіи» многіе члены его, повидимому, ожидали отъ него больше, чѣмъ оно могло до сихъ поръ дать. Они расчитывали сейчасъ же встрѣтить въ засѣданіяхъ нашихъ богатый фактическій матеріалъ, пригодный для выясненія вопроса объ реальности или фиктивности явленій телепатіи, ясновидѣнія, медіумизма и т. п.

Въ теченіе полуторагодового существованія нашему Обществу привелось наблюдать изъ обширной области безсознательной дѣятельности человѣка только немногіе довольно характерные случаи мантевизма. Это обстоятельство, насколько я могъ замѣтить, не только вызвало весьма значительное охлажденіе въ его членахъ къ интересамъ Общества,—но породило даже опасеніе за дальнѣйшую судьбу его существованія.

Здѣсь есть, однако, нѣкоторое недоразумѣніе. Мы прежде всего не должны упускать изъ виду, что и гораздо болѣе старымъ и богатымъ денежными средствамъ обществамъ, какъ въ западной Европѣ, такъ и въ Америкѣ, преслѣдующимъ тѣ же цѣли, какъ и наше «Русское Общество экспериментальной психологіи», характерные случаи для наблюденія спорныхъ явленій достаются далеко не часто и всегда съ большимъ трудомъ. Да оно и понятно: если спорныя оккультическія явленія не простое фокусничество или самообманъ, то они, по самому существу своему, могутъ встрѣчаться только какъ весьма рѣдкія исключенія изъ нормальнаго хода явленій въ природѣ.

Правда, нашему обществу за первые два года его существованія какъ-то особенно не посчастливилось. Именно тѣ гг. врачи спеціалисты (нерво-патологи и физіологи), на содѣйствіе которыхъ Общество, повидимому, могло болѣе всего разсчитывать, отнеслись къ нему или совершенно равнодушно или даже и прямо недоброжелательно. Поэтому, вся забота о пріисканіи матеріаловъ для наблюденій, соотвѣтствующихъ цѣлямъ нашего Общества, падала исключительно на весьма ограниченное число его членовъ, изъ которыхъ, къ сожалѣнію, многіе должны еще считаться только номинальными.

Но кромѣ того, насколько я могъ убѣдиться, еще и самый

матеріалъ постоянно сторонился отъ насъ. Лица, которыя съ успѣхомъ могли бы быть объектами для наблюденій нашего Общества, ни за что не соглашались имъ здѣсь подвергнуться. И это имѣетъ извѣстное оправданіе. Какъ только лицамъ этимъ до сихъ поръ приходилось сталкиваться съ, такъ называемыми, людьми науки, такъ бо́льшею частью съ ними тотчасъ же начинали обращаться уже, какъ съ завѣдомыми пройдохами и шарлатанами.

Хотя Общество наше, какъ всѣмъ вамъ, мм. гг., извѣстно, въ этомъ отношеніи и совершенно неповинно, но такова уже сила неблагопріятно слагавшихся для него обстоятельствъ.

Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ дѣла нашего Общества до сихъ поръ не могли быть въ особенно блестящемъ положеніи, и оно поневолѣ должно довольствоваться почти чисто-выжидательною ролью.

Принявъ на себя обязанность замѣнить въ теченіе этого года нашего глубоко уважаемаго предсѣдателя, проф. Н. П. Вагнера, я съ своей стороны, приложу, конечно, всѣ старанія, чтобы при первой же возможности Общество наше приступило къ болѣе активной дѣятельности; но успѣхъ въ этомъ отношеніи, какъ всѣмъ вамъ, мм. гг., хорошо понятно, будетъ зависѣть не столько отъ меня, сколько отъ счастливаго случая и той энергіи, съ которой мы общими силами примемся за привлеченіе къ намъ матеріаловъ для наблюденій и сообщеній.

Благодаря содѣйствію одного изъ нашихъ уважаемыхъ гг. членовъ, а именно д-ра И. Я. Бибикова, Обществу нашему, на сколько мнѣ теперь извѣстно, представится въ этомъ году случай наблюдать субъекта, у котораго предполагаются, такъ называемыя, «медіумическія способности». Насколько способности эти окажутся дѣйствительными—опредѣлить заранѣе, конечно, невозможно и для выясненія истины Обществу нашему, вѣроятно, придется затратить не мало времени, труда и терпѣнія.

Едва ли надо говорить, что вопросъ о медіумическихъ или спиритическихъ явленіяхъ въ настоящее время еще такъ не популяренъ среди здѣшнихъ представителей науки, что Обществу нашему трудно будетъ избѣжать упрековъ даже и за одно согласіе приняться за серьезное изслѣдованіе названныхъ мною сейчасъ спорныхъ явленій. По крайней мѣрѣ, и мнѣ лично, и нѣкоторымъ другимъ изъ нашихъ гг. членовъ уже не разъ приходилось выслушивать обвиненіе въ томъ, что мы, будучи врачами,

рѣшаемся безполезно тратить время и силы на изслѣдованіе такихъ явленій, которыя и безъ того представляются каждому здравомыслящему человѣку чистѣйшимъ и невозможнѣйшимъ вздоромъ!...

Чтобы нѣсколько ослабить силу такого нелестнаго мнѣнія о предстоящихъ намъ въ текущемъ году занятіяхъ, я позволю себѣ теперь только представить вамъ, мм. гг., двѣ фотографіи. Исторія ихъ слѣдующая.

Въ сентябрѣ этого года нашъ почетный членъ А. Н. Аксаковъ устроилъ въ г. Миланѣ для итальянскихъ ученыхъ цѣлую серію сеансовъ съ медіумомъ Евзапіей Паладино. Это та же самая неграмотная итальянская крестьянка, которая заставила знаменитаго психіатра и антрополога профессора Цезаря Ломброзо измѣнить свой взглядъ на медіумизмъ и печатно раскаяться во всѣхъ своихъ прежнихъ насмѣшкахъ надъ сторонниками спиритизма, которыхъ онъ еще такъ недавно считалъ какими-то помѣшанными и идіотами. Въ сеансахъ, устроенныхъ г. Аксаковымъ, участвовали: *Скьяпарелли*—директоръ астрономической обсерваторіи въ Миланѣ, знаменитый своими изслѣдованіями надъ планетой Марсомъ; *Брофферіо* — профессоръ философіи въ миланскомъ лицеѣ; *Джероза*—профессоръ физики въ высшемъ земледѣльческомъ училищѣ въ Портачи; *Эрмакора*—докторъ физики изъ Падуи; *Финци*—докторъ и профессоръ физики въ Миланѣ; *Карлъ Дюпрель*—докторъ философіи изъ Мюнхена; *Шарль Рише*—профессоръ физіологіи парижскаго медицинскаго факультета; *Цезарь Ломброзо* и *А. Н. Аксаковъ*. Всѣхъ сеансовъ состоялось 17; на двухъ изъ нихъ присутствовалъ проф. *Ц. Ломброзо* и на пяти проф. *Шарль Рише*.

Производя свои опыты при такихъ условіяхъ контроля, что обманъ представлялся совершенно немыслимымъ, весь этотъ сеансъ ученыхъ, въ концѣ концовъ, призналъ медіумическія явленія, происходящія въ присутствіи Евзапіи Паладино — *неподдѣльными!* Только одинъ *Ш. Рише* пока еще не высказалъ своего окончательнаго мнѣнія и обѣщалъ изложить его въ скоромъ времени отдѣльно. При этомъ, однако, должно замѣтить, что и онъ не заявлялъ какого-либо протеста и, повидимому, въ общихъ чертахъ соглашается съ мнѣніемъ всей остальной коммиссіи.

Что касается до самыхъ явленій, наблюдавшихся въ Миланской коммиссіи, то они всѣ уже давно извѣстны сторонникамъ

спиритизма. Происходили, при свѣтѣ, движенія разныхъ предметовъ (столы, стулья и т. п.), не объяснимыя однимъ прикосновеніемъ рукъ, измѣненіе вѣса тѣла медіума, полныя поднятія на воздухъ стола, движенія предметовъ безъ всякаго къ нимъ прикосновенія, различные стуки и звуки въ столѣ и другой мебели и т. п.; въ темнотѣ или при очень слабомъ освѣщеніи наблюдалось появленіе искръ, чувствовались прикосновенія какихъ-то невидимыхъ рукъ и т. д., и т. д.

Однимъ изъ важнѣйшихъ результатовъ, полученныхъ въ Миланской коммиссіи, представляются намъ моментальныя фотографіи, къ числу которыхъ принадлежатъ и демонстрируемыя теперь мною. Фотографіи эти переданы мнѣ А. Н. Аксаковымъ изъ цѣлой серіи ихъ, которую онъ только на дняхъ получилъ изъ Миланской коммиссіи.

На фотографіи № 1 мы видимъ поднятіе на воздухъ стола, какъ о томъ можно судить по положенію тѣней отъ ножекъ. Евзапію Паладино (медіумъ) контролируютъ—справа проф. Цезарь Ломброзо, слѣва проф. Шарль Рише, а позади ея стоитъ и наблюдаетъ за ея движеніями Скьяпарелли.

На фотографіи № 2 мы видимъ то же самое явленіе, но медіума контролируетъ докторъ *Дю-Прель*, сзади стоитъ проф. Брофферіа, а сбоку на полу сидитъ и контролируетъ медіума проф. Скьяпарелли. Эта фотографія особенно наглядно показываетъ, что поднятіе стола производится не руками или ногами медіума, а чѣмъ-то другимъ.

Такъ какъ о галлюцинаціяхъ теперь, конечно, не можетъ быть и рѣчи, то желающимъ во что бы то ни стало отвергнуть реальность существованія медіумическихъ явленій приходится объяснить ихъ только фокусничествомъ. Но фокусничать при данныхъ условіяхъ, какъ каждый самъ можетъ видѣть, довольно-таки затруднительно, чтобы не сказать невозможно. Во всякомъ случаѣ, мм. гг., то обстоятельство, что медіума здѣсь контролируютъ не какіе-нибудь легковѣрные невѣжды, а первоклассные европейскіе ученые, надѣюсь, можетъ вполнѣ гарантировать и наше молодое Общество отъ упрековъ за его рѣшеніе не пренебрегать изслѣдованіемъ явленій медіумизма».

Дѣйствительный членъ Общества д-ръ И. Я. Бибиковъ сдѣлалъ сообщеніе о видѣнныхъ имъ самимъ медіумическихъ явленіяхъ и представилъ собранію фотографіи этихъ явленій.

Почетный членъ Общества Александръ Николаевичъ Аксаковъ сообщилъ Собранію слѣдующее:

Только что вернувшись изъ-за границы, онъ узналъ отъ г-на Прибыткова, редактора Ребуса, объ интересныхъ опытахъ ясновидѣнія, производящихся въ Тамбовѣ докторомъ тамошней губернской больницы, А. Н. Ховринымъ. Для лучшаго ознакомленія членовъ Общества съ дѣломъ, г-нъ Аксаковъ прочиталъ нѣсколько писемъ г-на Ховрина къ г-ну Прибыткову.

Въ письмѣ отъ 16-го іюня г-нъ Ховринъ сообщилъ о томъ, что его ясновидящая паціентка дошла уже до такой степени ясновидѣнія, что ему удалось продѣлать съ полнымъ успѣхомъ нѣсколько опытовъ прочтенія запечатанныхъ писемъ. Но для большей доказательности, онъ желалъ бы, чтобы было прочтено письмо отъ лица неизвѣстнаго ни ему, ни его паціенткѣ. Въ виду этого онъ просилъ г-на Прибыткова помочь ему въ этомъ опытѣ и прислать ему письмо, написанное какимъ-либо изъ знакомыхъ ему скептиковъ. При этомъ онъ пояснилъ, что записка должна быть написана на совершенно непрозрачной бумагѣ, на русскомъ языкѣ, простымъ слогомъ, четкимъ почеркомъ, строчекъ въ пять или шесть, причемъ эти строчки никакъ не должны быть списанными откуда-нибудь, а сочинены самимъ пишущимъ. Сургучную печать проситъ не употреблять, потому что при чтеніи во время транса больная сильно мнетъ письмо; поэтому вмѣсто печати лучше дѣлать на склейкахъ его какія-либо контрольные знаки, надписи и проч.

Согласно желанію д-ра Ховрина, г-нъ Прибытковъ послалъ такое письмо, имъ самимъ изготовленное. Опытъ удался. Но г. Ховринъ и сама паціентка остались этимъ опытомъ недовольны, потому что письмо было случайно залито чернилами и частью расклеилось; поэтому они просили г-на Прибыткова прислать другое письмо для повторенія опыта. Это и было вторично исполнено г-мъ Прибытковымъ.

Сегодня, 21 октября, г. Прибытковъ получилъ отъ г. Ховрина нераспечатанными не только свой пакетикъ съ запиской для ясновидящей, но и свой почтовый пакетъ съ письмомъ къ г. Ховрину, въ которомъ былъ вложенъ и пакетикъ для ясновидящей. Въ письмѣ своемъ д-ръ Ховринъ извѣщалъ, что было прочитано и то и другое, и приложилъ копію съ прочитаннаго.

Г-нъ Прибытковъ, не распечатывая ни того, ни другого кон-

верта, немедленно препроводилъ ихъ къ г. Аксакову, который, въ тотъ же вечеръ, 21-го октября, и принесъ ихъ въ засѣданіе Общества для осмотра, вскрытія и провѣрки.

Прежде всего г. Аксаковъ предъявилъ Обществу заказный нераспечатанный конвертъ съ штемпелемъ: Тамбовъ, 11-го октября, за № 42, адресованный въ Тамбовъ, въ губернскую больницу, доктору Алексѣю Николаевичу Ховрину, содержащій въ себѣ: 1) письмо г. Прибыткова къ д-ру Ховрину и 2) заклеенный пакетикъ съ запиской для прочтенія ясновидящей. Заказной пакетъ былъ осмотрѣнъ всѣми членами въ настоящемъ засѣданіи и, повидимому, не носилъ никакихъ признаковъ вскрытія. Письмо г-на Прибыткова, содержащееся въ этомъ пакетѣ, по свидѣтельству д-ра Ховрина, было прочитано его ясновидящей, и въ удостовѣреніе этого имъ было приложено слѣдующее заявленіе за подписью четырехъ мѣстныхъ врачей.

«Заказное письмо, адресованное на имя Алексѣя Николаевича Ховрина № 42, со штемпелемъ почтовой конторы: Тамбовъ, 11-ое октября, не носитъ на себѣ никакихъ слѣдовъ, которые указывали бы, что оно было кѣмъ-либо распечатано. Содержаніе этого нераспечатаннаго письма было записано подъ диктовку г-жи М-вой и здѣсь потомъ было переписано ей самой.

15-го октября.

Врачъ И. А. Скворцовъ.
Врачъ С. П. Андреевъ.
Врачъ Н. Н. Щелочининъ.
Врачъ Ф. И. Бортсышикъ».

Послѣ этого г. Аксаковымъ былъ взрѣзанъ заказной пакетъ, и письмо г. Прибыткова къ г. Ховрину было прочтено и сличено съ тѣмъ текстомъ его, который былъ продиктованъ ясновидящей и ею самой переписанъ на помянутомъ выше свидѣтельствѣ докторовъ. Письмо г. Прибыткова, состоящее изъ 13-ти строчекъ, оказалось прочитаннымъ *дословно вѣрно*, за исключеніемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ варіантовъ, нисколько не измѣнявшихъ смысла.

Затѣмъ изъ этого же заказного пакета былъ вынутъ г. Аксаковымъ заклеенный пакетъ маленькаго формата, посланный г. Прибытковымъ для прочтенія. Пакетъ этотъ на склейкахъ своихъ былъ помѣченъ чернильными черточками и винтообразными линіями.

По тщательномъ осмотрѣ пакетика всѣми членами засѣданія, склейки и черточки были найдены въ должномъ видѣ. Вмѣстѣ

съ этимъ г. Аксаковымъ былъ предъявленъ пакетикъ, на которомъ ясновидящая съ одной стороны изобразила знаки и черточки, сдѣланные на склейкахъ присланнаго пакета, а съ другой стороны написала слѣдующее:

«*Ясновидѣніе—замѣчательное явленіе изъ области психизма*».

Эта фраза написана на листѣ почтовой бумаги малаго формата, съ линейками, черными чернилами. Почеркъ некрасивый, но написано разборчиво и старательно. Писалъ самъ Прибытковъ.

С. М—ва.

Тогда г. Аксаковымъ былъ вырѣзанъ заклеенный пакетикъ и вынутъ оттуда сложенный вчетверо цѣлый листъ почтовой бумаги малаго формата съ линейками, нисколько не помятый, на коемъ оказалось три строчки того самаго содержанія, какое было написано ясновидящей.

Г. Аксаковъ предложилъ Обществу воспользоваться этимъ рѣдкимъ случаемъ и просить г. Ховрина продѣлать еще одинъ опытъ со своей ясновидящей надъ тѣмъ письмомъ, которое будетъ спеціально съ этою цѣлью заготовлено и доставлено ему самимъ Обществомъ.

Постановлено: отправить къ д-ру Ховрину письмо, запечатавъ его способомъ, придуманнымъ особой спеціальной комиссіей.

Протоколъ засѣданія спеціальной коммиссіи Русскаго Общества Экспериментальной Психологіи, 3-го ноября 1892 года.

Предсѣдательствовалъ Ф. Ф. Фишеръ; присутствовали: почетный членъ Общества А. Н. Аксаковъ, дѣйствительные члены: И. Я. Бибиковъ, А. Д. Степановъ, Л. Г. Карчагинъ, П. Ф. Семеновъ, Е. О. Марцинкевичъ, В. В. Альбовъ и А. А. Чагинъ.

Послѣ тщательнаго обсужденія вопроса, какимъ образомъ слѣдуетъ сдѣлать опытъ и скрыть написанное отъ ясновидящей, г-жи М—вой, собраніе единогласно остановилось на слѣдующемъ способѣ, большая часть котораго и была приведена въ исполненіе въ самомъ собраніи.

Всѣ девять членовъ собранія написали каждый на листѣ почтовой бумаги небольшую въ 2 — 3 строки фразу, такъ что эта фраза осталась неизвѣстною для всѣхъ членовъ, исключая, разумѣется, написавшаго ее. Такимъ образомъ, никто изъ присут-

ствовавшихъ не зналъ, что посылалось ясновидящей въ конвертѣ.

Затѣмъ, всѣ листы были обернуты писавшими ихъ каждый еще однимъ чистымъ листомъ, согнуты пополамъ и вложены въ небольшіе конверты. Всѣ эти конверты были положены въ шляпу, изъ которой вице-президентъ г. Фишеръ вынулъ наудачу одинъ конвертъ, а всѣ остальные были сожжены. Оставшійся и вынутый г. Фишеромъ изъ шляпы конвертъ былъ подвергнутъ слѣдующей задѣлкѣ:

Предварительно въ серединѣ его, на верхней сторонѣ нижняго клапана, была пробита особенной машинкой кнопка, лапки или зубцы которой прошли сквозь вложенные въ конвертѣ листы и загнулись на противуположной сторонѣ ихъ, не тронувъ задней стѣнки конверта. Изъ шести зубчиковъ четыре прошли сквозь листы, вложенные въ конвертъ. Такимъ образомъ эти листы не могли быть вынуты изъ конверта. Верхній клапанъ его былъ затѣмъ заклеенъ, причемъ онъ закрылъ верхнюю бляшку кнопки. На верхней сторонѣ такимъ образомъ задѣланнаго конверта на двухъ спайкахъ клапановъ, верхняго и нижняго, діагонально были оттиснуты синей краской печати Общества, затѣмъ на тѣхъ же спайкахъ были сдѣланы чернилами черты и кресты. Въ такомъ видѣ пакетъ былъ вложенъ въ другой конвертъ, полотняный, немного большихъ размѣровъ. На верхней сторонѣ вложеннаго конверта были проведены клеемъ двѣ полосы съ цѣлью, чтобъ онъ приклеился къ наружному полотняному конверту. Этотъ послѣдній, послѣ заклейки его клапановъ, былъ задѣланъ четырьмя кнопками, расположенными на одинъ дюймъ (приблизительно) отъ середины его. Кнопки были расположены на спайкахъ (заклейкахъ) клапановъ.

Въ такомъ видѣ конвертъ былъ врученъ А. Н. Аксакову для отправки его въ Тамбовъ.

Протоколъ подписанъ всѣми присутствовавшими членами.

Дополненіе къ протоколу 3-го ноября.

Заявленіе Ф. Ф. Фишера и А. Н. Аксакова.

Получивъ отъ Общества пакетъ для отправленія его въ Тамбовъ г-жѣ М—вой, мы на другой же день исполнили это по-

рученіе. На серединѣ пакета была наклеена нами печать Общества, оттиснутая синими чернилами на бумажкѣ, вырѣзанной кружкомъ. Направленіе буквъ этой печати или штемпеля въ точности опредѣлено нами и замѣчено по отношенію къ двумъ проколамъ, сдѣланнымъ концомъ булавки и видѣннымъ только въ луппу. Подъ бумажный кружокъ мы положили волосокъ, обрѣзавъ концы его ровно съ краями кружка. Кромѣ сего на обѣихъ сторонахъ этой печати на обоихъ клапанамъ мы положили еще два штемпеля. Еслибы г-жа М — ва или кто-либо рѣшился на поддѣлку, то, отклеивъ печать, онъ незамѣтно отклеилъ бы вмѣстѣ съ ней и волосокъ. Еслибы конвертъ, посылаемый нами, былъ подмѣненъ, то трудно было бы поддѣлать штемпель на другомъ конвертѣ.

Послѣ этого конвертъ былъ завернутъ въ два листа газеты, вложенъ въ деревянный ящичекъ съ крышкой, прибитой гвоздями, завязанъ веревкой и отправленъ въ Тамбовъ по адресу д-ра Ховрина.

На двухъ конвертахъ, закупоренныхъ въ ящикѣ, адреса не было, и задняя сторона ихъ, на которой обыкновенно пишется адресъ, оставалась чистою.

Протоколъ засѣданія спеціальной коммиссіи Русскаго Общества Экспериментальной Психологіи, декабря 21-го 1892 г.

Присутствовали: вице-президентъ Ф. Ф. Фишеръ, почетный членъ А. Н. Аксаковъ, дѣйствительные члены: И. Я. Бибиковъ, Г. А. Донбергъ, П. Ф. Семеновъ, Е. О. Марцинкевичъ, Я. М. Миллеръ, А. В. Елисѣевъ и А. Н. Ховринъ.

Д-ръ А. Н. Ховринъ изложилъ подробно причины, заставившія его заняться въ Тамбовѣ опытами съ ясновидящей, г-жой М—вой, и представилъ Обществу ящичекъ съ письмомъ, отправленный къ нему г. Аксаковымъ, а также письмо отъ г-жи М—вой. При осмотрѣ ящичка никакихъ слѣдовъ наружныхъ поврежденій не было замѣчено, печати на ящичкѣ оказались цѣлыми. Затѣмъ было заслушано слѣдующее письмо г-жи М—вой.

«Въ октябрѣ я писала г. Аксакову, что письмо отгадать не могу и просила его извиниться передъ Обществомъ. Я заболѣла и думала, что способность ясновидѣнія исчезла. Несмотря на это, у меня осталось страшное желаніе непремѣнно отгадать письмо. Докторъ мнѣ его не давалъ, да я и сама

не просила и не вспоминала даже. Такъ было до 18-го ноября. 18-го вдругъ у меня явилась страшная потребность начать отгадывать письмо. Я попросила его у доктора, оказалось, что онъ еще и не вскрывалъ посылку. Я была рада этому и настоятельно попросила его дать попробовать отгадать письмо черезъ ящикъ. Сдѣлала я это потому, что меня подозрѣваютъ въ ловкомъ фокусничествѣ, т. е. въ умѣньи ловко распечатывать данныя письма. Такъ вотъ, чтобы доказать, что я дѣйствительно имѣю какую-то непонятную для меня способность, я и взялась за эту трудную работу. Кромѣ того, я отказалась имѣть посылку у себя, она все время оставалась у экспериментатора, я имѣла возможность видѣть доктора 1—1½ ч. въ сутки и при немъ работать надъ посылкой. Такъ какъ задача эта очень трудная, то я ее еще не рѣшила и даже не могу сказать, рѣшу-ли, т.-е. я говорю про здоровье, если мнѣ будетъ очень ужъ плохо, тогда я оставлю навсегда эти опыты, если же въ состояніи буду, тогда кончу. Несмотря на плохія условія, при которыхъ мнѣ пришлось работать надъ письмомъ, я могу сообщить кое-что, а именно, какъ я представляю себѣ содержимое ящика. Если вскрыть крышку А, то прямо увидимъ свертокъ нѣмецкой газеты „Beilage der Berliner Vereins—Zeitung“, подъ нимъ лежитъ свертокъ другой нѣмецкой газеты „Berliner Vereins Zeitung“, положенный для того, чтобы письмо не болталось. Если развернуть первый свертокъ, то послѣ газеты увидимъ бѣлую писчую бумагу, въ которой завернуто самое письмо, т.-е. конвертъ, въ которомъ находится письмо. Затѣмъ, развернувъ бумагу, мы увидимъ конвертъ. Наружный видъ его слѣдующій: средняго формата, бѣлый, плотный, не продолговатый, а скорѣе четыре-угольный. На сторонѣ склеекъ слѣдующіе знаки: три штемпеля лиловаго цвѣта, два положены по бокамъ, а третій на серединѣ, боковые положены прямо на конвертѣ, а средній прежде на бумагу, потомъ вырѣзанъ и наклеенъ. Штемпель: «Печать русскаго Общества Экспериментальной Психологіи».

Шрифтъ печати вязью. На склейкахъ четыре маленькихъ металлическихъ кнопки краснаго цвѣта, кнопки съ звѣздочками. Подъ среднею печатью большая кнопка или печать. У верхняго края конверта на той сторонѣ, гдѣ знаки, небольшая помарка лиловаго цвѣта, какъ и цвѣтъ штемпеля. Дальше въ этомъ конвертѣ вложенъ другой конвертъ, наклеенный полотномъ. Письмо представляется тяжелымъ, плотнымъ. Письмо написано на почтовой бумагѣ, бумага плотная и, кажется, съ линейками.

Написано черными чернилами, почеркъ *средній*. Число строчекъ 2½ или около того. Текстъ отказываюсь совсѣмъ сказать теперь. На этомъ кончаю работу такъ какъ мой экспериментаторъ уѣхалъ, а одна безъ письма работать не въ состояніи. Что я сказала о газетѣ, о наружномъ видѣ конверта, то въ этомъ я больше, чѣмъ увѣрена. Что касается до самаго письма, т.-е. его бумаги, почерка и т. д., то это мнѣ только начинаетъ казаться, а потому прошу *убѣдительно* Общество не считать это за ясновидѣніе, а только за первый періодъ его. Это кажущееся можетъ нѣсколько разъ измѣниться, какъ это бываетъ при отгадываніи каждаго письма.

С. М—ва.

9 декабря 1892 г.
Пріютъ Св. Елисаветы.

Послѣ прочтенія сего письма д-ръ Донбергъ вскрылъ деревянный ящичекъ, возвращенный Обществу изъ Тамбова, и внутри этого ящика оказался конвертъ, завернутый въ газетную бумагу, въ №№ «Berliner Vereins—Zeitung», какъ это описано въ письмѣ г-жи М—вой. Рисунокъ расположенія печатей, штемпелей и кнопокъ былъ сдѣланъ г-жей М—вой разноцвѣтными карандашами на чистомъ пустомъ конвертѣ, который былъ приложенъ при ея письмѣ (см. приложенный рисунокъ). Описаніе внутренняго конверта не было сдѣлано г-жей М—вой. При укупоркѣ пакета въ ящичекъ имѣлось въ виду, что д-ръ Ховринъ вскроетъ его, развернетъ газетные листы и передастъ для опыта г-жѣ М—вой одинъ только пакетъ.

Д-ръ Ховринъ заявилъ, что ящичекъ съ пакетомъ онъ держалъ постоянно у себя въ квартирѣ, въ письменномъ столѣ и для опытовъ ясновидѣнія давалъ его въ руки г-жѣ М—вой не иначе, какъ въ своемъ присутствіи; вслѣдствіе этого онъ можетъ поручиться, что вскрыть она его не могла.

Послѣ этого заявленія д-ръ Донбергъ вскрылъ ящичекъ такимъ образомъ, что печати и веревочка, обвязывавшая его, остались цѣльными, но только веревочка сильно растянулась.

При обсужденіи вопроса о томъ, былъ ли въ данномъ случаѣ неоспоримый фактъ ясновидѣнія, нѣкоторыми членами коммиссіи было высказано предположеніе о томъ, что ящичекъ съ письмомъ былъ переданъ кѣмъ-либо г-жѣ М—вой во время отсутствія д-ра Ховрина, такъ какъ этотъ ящичекъ хранился въ незапертомъ ящикѣ письменнаго стола доктора.

Послѣ сего пакетъ, вынутый изъ ящика, былъ переданъ д-ру Ховрину для дальнѣйшихъ опытовъ съ его ясновидящей.

Протоколъ подписанъ всѣми присутствовавшими.

Протоколъ засѣданія спеціальной коммиссіи Русскаго Общества Экспериментальной Психологіи, 3-го апрѣля 1893 года.

Присутствовали: Вицепрезидентъ Ф. Ф. Фишеръ, почетный членъ А. Н. Аксаковъ, И. Я. Бибиковъ, В. В. Альбовъ, П. Ф. Семеновъ, А. Д. Степановъ, Д. В. Лещинскій, В. Ф. Краевскій, Л. Г. Карчагинъ, В. С. Груздевъ, А. В. Елисѣевъ, А. А. Чагинъ, В. Н. Прибытковъ.

Почетнымъ членомъ Общества А. Н. Аксаковымъ былъ доставленъ пакетъ, полученный имъ по почтѣ отъ д-ра Ховрина, изъ Тамбова. Въ этомъ пакетѣ заключалось письмо, изготовленное Обществомъ для прочтенія ясновидящею, какъ о томъ значится въ протоколѣ засѣданія спеціальной коммиссіи, бывшаго 21 декабря 1892 г. По вскрытіи пакета мы, нижеподписавшіеся, нашли въ немъ сказанное письмо въ слѣдующемъ видѣ:

1. Наружный холщевой конвертъ сильно измятъ и потертъ, особенно въ боковыхъ сгибахъ, на которыхъ бумажная сорочка конверта потерта до того, что холстъ мѣстами виденъ и бумажная сорочка кое-гдѣ отстала; четыре металлическія кнопки, коими конвертъ былъ задѣланъ, съ виду невредимы; заклейки клапановъ цѣлы; бумажная облатка съ оттиснутой на ней анилиновою краской печатью Общества, наклеенная на середину конверта, въ самомъ центрѣ своемъ, по линіи верхняго клапана, надтреснута, что объясняется тѣмъ, что центръ конверта представляетъ бугоръ, образовавшійся отъ металлической кнопки, коей запечатанъ былъ внутренній конвертъ.

На задней сторонѣ наружнаго холщеваго конверта значится рукою г-жи М—вой слѣдующая надпись:

«Вотъ что я видѣла въ письмѣ: «Я увѣренъ, что Вы легко и свободно прочитаете мое письмо, послѣ этого будете чувствовать себя великолѣпно».

Петербургъ. Л. Г. Карчагинъ.

Написано на плотной бумагѣ безъ линеекъ, $3^1/_2$ строчки, почеркъ средній, довольно красивый.

2. Взрѣзавши заднюю сторону холщеваго конверта на полсантиметра отъ верхняго края и боковинъ, мы вынули изъ него второй запечатанный конвертъ, причемъ, однакожъ, оказалось, что конвертъ этотъ приклеился въ нѣсколькихъ мѣстахъ къ холщевому конверту, что было отчасти и неизбѣжно, такъ какъ верхній клапанъ холщеваго конверта долженъ былъ быть заклеенъ уже послѣ запечатанія его двумя металлическими кнопками; такимъ образомъ, мы должны были второй конвертъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ осторожно отодрать отъ холщеваго конверта. Извлекши внутренній конвертъ, мы могли убѣдиться въ томъ, что холщевая подкладка конверта по всѣмъ сгибамъ своимъ была *совершенно цѣла*, а видъ металлическихъ кнопокъ съ внутренней ихъ стороны указывалъ на ихъ видимую неприкосновенность.

3. Вынутый нами простой бумажный конвертъ оказался чистымъ, заклееннымъ и запечатаннымъ, какъ сказано въ протоколѣ засѣданія 3-го ноября 1892 г; но боковые сгибы его оказались совершенно протертыми, такъ что мы, раздвинувши стороны конверта и не вынимая изъ него средней металлической кнопки, которой была пробита, вмѣстѣ съ конвертомъ, вложенная въ него записка, могли прочесть ея содержаніе, оказавшееся совершенно одинаковымъ съ надписью, сдѣланною г-жею М—вой на задней сторонѣ холщеваго конверта

Такимъ образомъ, этотъ второй конвертъ уже нисколько не можетъ служить дополнительнымъ препятствіемъ для прочтенія его содержанія естественнымъ путемъ и поэтому вся экспертиза должна ограничиться ближайшимъ разсмотрѣніемъ неприкосновенности наружнаго холщеваго конверта.

Прежде всего требуется выяснить, какимъ образомъ этотъ конвертъ могъ бы быть вскрытъ и вторично задѣланъ?

Для этого прежде всего обѣ металлическія кнопки верхняго клапана должны быть извлечены; затѣмъ, верхній клапанъ и печать Общества должны быть для отклейки ихъ отмочены; внутренній конвертъ долженъ быть отодранъ, вынутъ и прочтенъ, (скажемъ: прочтенъ чрезъ протертые сгибы), снова вложенъ, подклеенъ къ наружному холщевому конверту, и клапанъ сего послѣдняго запечатанъ двумя металлическими кнопками, а на средину его должна быть наклеена печать Общества.

Для обсужденія этого вопроса всѣмъ членамъ Общества, участвовавшимъ въ этомъ засѣданіи, были разосланы для экспертизы точно такіе же полотняные конверты съ заклеенными верхними клапанами, припечатанными такими же двумя металлическими кнопками. Слѣдуетъ пояснить, что употребленныя металлическія кнопки состоятъ изъ металлическаго диска въ 9 мм. діаметра съ 6-ю клинообразными лапками-зубцами, которыя, при помощи приспособленной къ тому машинки, пробиваютъ клапаны конверта и, упираясь въ маленькій круглый желобокъ подкладываемой металлической пластинки, заворачиваются съ внутренней стороны пробитаго ими конверта къ центру кнопки, при чемъ каждая лапка не приплющивается вплотную къ конверту, а загибается дугообразно внутри его.

Опредѣлено: просить А. Н. Аксакова произвести предложенную имъ экспертизу.

Послѣ сего г. предсѣдателемъ былъ предложенъ вопросъ: считаютъ ли присутствующіе члены Общества несомнѣннымъ тотъ фактъ, что наружный конвертъ, на оборотѣ котораго написано г-жей М-вой рѣшеніе заданной задачи, доставленъ Обществу съ потертымъ и мѣстами протертымъ верхнимъ бумажнымъ своимъ слоемъ, но съ *неповрежденнымъ нижнимъ полотняннымъ слоемъ?*

На сей вопросъ всѣ присутствовавшіе отвѣтили *утвердительно* и подписались подъ протоколомъ.

Протоколъ Общаго Собранія Русскаго Общества Экспериментальной Психологіи, 7-го мая 1893 года.

Присутствавали: вице-президентъ Ф. Ф. Фишеръ, А. Н. Аксаковъ, И. Я. Бибиковъ, П. Ф. Семеновъ, А. Д. Степановъ, А. В. Елисѣевъ, В. Ф. Краевскій, В. В. Альбовъ, В. И. Прибытковъ.

Было заслушано письмо г-жи М-вой къ А. Н. Аксакову отъ 15-го января 1893 года:

«Спасибо большое за скорый отвѣтъ. Посылаю описаніе внутренняго пакета; я увѣрена, что вѣрно опредѣлила, а все-таки прошу увѣдомить меня, что вполнѣ ли вѣрно. Прилагаю при семъ 2 записочки,—онѣ очень важны для меня. Прочтены по слѣдующей причинѣ. Ваше письмо мнѣ почему-то не дается скоро; какъ я ни работаю, нѣтъ, ничего пока не выходитъ, особенно безъ А. Н. (д-ра Ховрина). Я Вамъ писала, что онъ меня почти совсѣмъ оставилъ. Что мнѣ дѣлать? Начну одна работать, то ничего не выходитъ; вотъ, 11-го января я стала думать о письмѣ и впала въ гипнотическій сонъ, спала, не просыпаясь *32 часа*; что со мной послѣ было, описывать не буду,—вотъ видите, какой результатъ получился моей самостоятельной дѣятельности. Тогда я рѣшила, что во мнѣ эта способность исчезла, пошла къ А. Н. и убѣдительно попросила его произвести надо мной опыты, сдѣлала я это еще и для того, чтобы увѣрить и самого А. Н. Еслибы Вы знали, какой онъ ужасный скептикъ, онъ даже плохо вѣритъ тому, что совершается у него на глазахъ. Сеансъ былъ днемъ, сдѣлали такъ: меня высылали въ другую комнату, затѣмъ писалъ онъ записку, клалъ въ конвертъ и запечатывалъ. Звали меня, вручали это письмо,—и я тутъ же, на глазахъ экспе-

риментатора говорила написанное. Я только брала письмо въ руки, водила по немъ пальцами и отгадывала. Повторяю, что все время съ меня не спускали глазъ, такъ что ни просмотрѣть на свѣтъ, ни вскрыть конверта я не имѣла возможности. Въ $^1/_2$ часа я прочла 4 подобныхъ фразы, 2 мнѣ не особенно скоро дались, а 2 моментально. Каждая была вложена въ отдѣльный конвертъ, это я потомъ для удобства положила въ одинъ; вотъ, каждую изъ нихъ получала такой, какъ я и посылаю, т.-е. въ конвертѣ. Кажется, А. Н. увѣрился, да и мудрено не вѣрить, ибо все это дѣлалось очень просто и на глазахъ. Почему же мнѣ не дается Ваше письмо? Предложу одинъ вопросъ: знаетъ ли кто-нибудь содержимое письма? Разумѣется, кто писалъ, тотъ знаетъ, но вѣдь могла выйти путаница, вмѣсто одного письма могли вложить другое, перемѣшать и т. д. Я Вамъ должна сказать, что въ моей способности имѣетъ большое значеніе, чтобы хотя на разстояніи, а былъ внушитель, т.-е кто бы зналъ навѣрное, что написано. Судя по тому, что письмо мнѣ не дается, я думаю, что есть какая-нибудь причина, я только не разберусь сама, а А. Н. говоритъ, что ничего не знаетъ. Отвѣтьте мнѣ, пожалуйста, на этотъ вопросъ, я увѣрена, что что-нибудь неладное есть. Не буду говорить, какъ я волнуюсь. Попросите, ради Бога, довольствоваться малымъ. Почему мнѣ дались знаки? Мнѣ могутъ сказать, что это въ программу не входитъ, но я не виновата, что послѣдовательность существуетъ въ моей способности. Записочки посылаю потому, что очень ужъ это замѣчательное для меня явленіе, и какъ подтвержденіе моей способности. Очень жаль, что я не могу показать Вамъ всѣмъ свою способность на мѣстѣ. Вы пишете, что я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока не кончу все; да, правда, но лишь только А. Н. сдѣлалъ бы мнѣ внушеніе забыть обо всемъ и быть покойной, я сразу забуду и буду здорова. Вотъ почему я и прошу довольствоваться хотя знаками, тогда А. Н. тоже будетъ доволенъ, и я успокоюсь и покончу навсегда. Знаете, всѣхъ скептиковъ не увѣришь! Что способность во мнѣ эта есть, это правда, ибо я не аферистка и обманывать мнѣ никакой нѣтъ цѣли.

«Готовая къ услугамъ С. М—ва».

Слушали: письмо д-ра Ховрина къ А. Н. Аксакову отъ 26-го марта 1893 года слѣдующаго содержанія.

«Сообщаю Вамъ пока въ короткихъ словахъ свои наблю-

денія надъ М-вой во время отгадыванія ею данной ей Обществомъ задачи. Еще до отъѣзда моего въ декабрѣ мѣсяцѣ въ Петербургъ, при попыткахъ прочесть письмо черезъ ящикъ, М-вой казалось, что въ письмѣ написана слѣдующая фраза: *Общество экспериментальной психологіи проситъ васъ еще разъ прочесть одно письмо*, или фраза, близкая къ этой. Но при этомъ у нея ни разу не проявились тѣ свѣтлые моменты, когда она ясно видитъ слова, почеркъ, бумагу и вообще всѣ детали данной ей задачи. Эту фразу, какъ Вы помните, я оставилъ въ запечатанномъ конвертѣ у д-ра Фишера, онъ, вѣроятно, и до сихъ поръ хранится у него. Сама М-ва просила меня не сообщать о кажущемся ей и предупреждала, что это можетъ оказаться невѣрнымъ. По возвращеніи моемъ въ Тамбовъ я засталъ М-ву въ весьма дурномъ состояніи: она капризничала, раздражалась, о письмѣ слышать не хотѣла, отказываясь читать. Съ 1-го января у ней опять развилась потребность къ отгадыванію. Теперь она заявила, что ей кажется другая фраза: «*ясновидѣніе есть фактъ, который еще не доказанъ научнымъ путемъ*». Потребность отгадыванія продолжалась до 8-го января. Во все это время М—ва сильно волновалась, впадала въ трансъ, который сплошь и рядомъ оканчивался истерическими припадками, но непосредственнаго ясновидѣнія все-таки не развилось. Были отдѣльные моменты, когда она видѣла что-то, но они были такъ коротки, что ясно ничего не могла видѣть. Между тѣмъ, по отношенію *къ моимъ закрытымъ письмамъ* способность ея значительно усилилась: *она совершенно свободно въ моемъ присутствіи читаетъ* изготовленныя заранѣе записочки. Съ 8-го января и до послѣдняго времени М—ва совершенно бросила попытки рѣшить задачу. Такъ какъ у нея способность по отношенію къ моимъ письмамъ была усилена, то съ цѣлью убѣдиться, не употребляетъ ли М. какихъ-либо уловокъ при чтеніи закрытыхъ писемъ другихъ лицъ, я придумывалъ всевозможный контроль: *приклеивалъ* письма къ конвертамъ, *прошивая* ихъ извѣстнымъ образомъ и запечатывая сургучомъ, печаталъ, приклеивалъ внутрь письма контрольныя *тонкія бумажки*, которыя при выниманіи письма должны были разрываться и т. д., всегда находилъ контроль цѣлымъ и невредимымъ. Нужно васъ предупредить, что контрольное письмо Общества со времени моего возвращенія изъ Петербурга все время хранилось у М—вой. *Контролируя* конвертъ, что было *весьма*

часто и въ самое неопредѣленное время, я никогда не могъ замѣтить въ его наружномъ видѣ и въ положеніи кнопокъ что-либо подозрительное. *Во время опытовъ отгадыванія* М—ва всегда мяла письмо ужасно и, благодаря только тому, что конвертъ полотняный, оно осталось цѣло; поэтому Васъ не долженъ удивлять печальный видъ письма. При такомъ обращеніи съ письмомъ нужно опасаться, что внутренній конвертъ, если онъ только обыкновенный бумажный, тоже долженъ попортиться. Поэтому я просилъ бы Васъ, если таковое поврежденіе найдется, тщательно проконтролировать и происхожденіе этого весьма важнаго для констатированія способности М—вой факта.

Съ 12 марта, что совпадало съ періодомъ регулъ, у ней опять развилась потребность рѣшать задачу, и съ тѣхъ поръ до самаго отгадыванія она ежедневно являлась ко мнѣ, требуя, чтобы я ей помогъ своими внушеніями. Каждый день она впадала въ трансъ, оставаясь совершенно неподвижною и нечувствительною ко всѣмъ внѣшнимъ раздраженіямъ; ее въ это время можно было колоть, щипать, вкалывать булавки и никакой реакціи не получалось. Въ началѣ транса М. лежала тихо, изрѣдка только наблюдались конвульсивныя движенія въ туловищѣ, членахъ и плечевыхъ мышцахъ, подъ конецъ же она сильно вскрикивала, хватаясь за голову, все тѣло конвульсивно подергивалось, и трансъ оканчивался, больная приходила въ себя и съ отчаяніемъ заявляла, что видѣла одни только свѣтлые моменты, но прочесть что-либо ей не удалось. Съ каждымъ днемъ эти моменты появлялись чаще и чаще, иногда нѣсколько разъ, слѣдуя одинъ за другимъ, но ничего опредѣленаго она все-таки уловить не могла. 14-го марта въ одинъ изъ такихъ свѣтлыхъ моментовъ она уловила слово *Петербургъ* и ниже *18 xi/11 92 г.* и тутъ же еще неясное слово *фактъ*, что почти заставило ее убѣдиться во 2-й фразѣ, составленной такъ:

«Ясновидѣніе есть фактъ, который еще не доказанъ научнымъ путемъ.

Петербургъ, 18 xi/11 92 г.

Однако, у ней почему-то не складывалось окончательнаго убѣжденія въ вѣрности рѣшенной ею задачи. Были моменты, когда она прямо приходила въ отчаяніе и снова отказывалась рѣшить задачу. Подъ вліяніемъ этого отчаянія, она и написала Вамъ письмо, полученное Вами, если не ошибаюсь, 16 марта. Такъ дѣло про-

должалось до 21 марта. Въ эти дни больная чувствовала себя весьма дурно, плохо спала, ничего не ѣла и несмотря на всѣ увѣщанія оставить, хотя на время, попытки отгадать письмо, не могла это выполнить, заявивъ, что она сойдетъ съ ума, если не отгадаетъ письма. 21-го марта она утромъ опять явилась ко мнѣ, но, къ сожалѣнію я цѣлый день не былъ дома, и потому она поневолѣ должна была справляться съ письмомъ одна. Мнѣ передавали потомъ, что она цѣлый день была въ ужасномъ положеніи. Около 4-хъ часовъ дня М. впала въ трансъ, во время котораго у ней появился довольно продолжительный свѣтлый моментъ ясновидѣнія, и она въ состояніи была ясно прочесть текстъ письма и другія детали его. Оказалось, что письмо писано г. Корчагинымъ. Содержаніе текста она написала, какъ Вы увидите, на конвертѣ. Затѣмъ у ней развилась полная увѣренность, что это именно то, что и нужно было ей рѣшить, поэтому она настоятельно просила меня послать Вамъ телеграмму. Интересно во всемъ этомъ процесѣ одно обстоятельство: 15-го или 16-го марта во время транса М. ясно увидѣла комнату и четырехъ лицъ, сидѣвшихъ вокругъ круглаго стола. Одного изъ нихъ, какъ я Вамъ уже писалъ, она ясно успѣла разсмотрѣть—онъ писалъ; комната имѣла что-то вродѣ ниши. Для насъ было бы весьма важнымъ указать, 1) не входили-ли двѣ первыя кажущіяся фразы въ число уничтоженныхъ въ коммиссіи задачъ и 2) соотвѣтствовала ли галлюцинація М—вой дѣйствительности, или она была только случайной. Сама М—ва тогда же заявила, что ей въ Петербургѣ пишутъ письмо.

Вотъ все, что я пока могу сообщить Вамъ о своихъ наблюденіяхъ надъ М—вой во время отгадыванія данной ей Обществомъ задачи. Дай Богъ, чтобы мои и моей больной труды не пропали даромъ, иначе пришлось бы съ душевною скорбью навсегда отказаться отъ доказательствъ ясновидѣнія, несмотря на всю не сомнѣнность существованія реальности факта ясновидѣнія. Сама М-ва въ настоящее время больна и не въ состояніи что-либо писать до болѣе удобнаго времени. Эти опыты достались ей не легко. Нужно дать ей хорошенько поправиться».

Слушали: письмо отъ 18 апрѣля 1893 года почтоваго чиновника С. А. Строганова въ Тамбовѣ къ д-ру Ховрину, переданное въ Общество А. Н. Аксаковымъ.

«Вчера я получилъ отъ Васъ свое письмо съ разгадкой интересной Вашей паціентки, г-жи М —вой.

Разгадка эта помѣщена на адресной сторонѣ конверта въ слѣдующихъ словахъ:

«Есть въ мірѣ вещи, которыя не снились намъ»,

причемъ добавлено, что письмо состоитъ именно изъ этой фразы и написано приблизительно тѣмъ почеркомъ, какимъ воспроизведена на конвертѣ разгадка.

По тщательномъ осмотрѣ этого письма (до его распечатанія) мною и другими, оно оказалось въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ я передалъ его Вамъ: моя именная (сургучная) печать, наложенная въ срединѣ конверта со стороны клапановъ, т.-е. въ томъ мѣстѣ, гдѣ они сходятся, и имѣющая совершенно отчетливый оттискъ, найдена въ цѣлости; по линіямъ клапановъ, вездѣ заклеенныхъ плотно, нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ отклейки ихъ, подмочки и т. п.; написанныя мною по линіямъ клапановъ, тонкимъ почеркомъ, слова (такъ, что линіи эти дѣлятъ каждую букву пополамъ) нисколько не измѣнили своего вида въ отношеніи правильности фигуръ буквъ,—и по разсмотрѣніи написаннаго чрезъ лупу оказалось, что даже самыя тонкія «волосныя» черты, пересѣкающія клапаны, сохранили данное имъ при написаніи буквъ положеніе (направленіе), а чернила «не расплылись» ни мало... Очевидно, что при отклейкѣ клапановъ путемъ отпариванія, подмочки и проч. ни того, ни другого не могло быть. Затѣмъ, совершенно цѣлы также ребра (другаго названія не подберу) конверта, углы его, и вообще на конвертѣ не имѣется никакихъ поврежденій, вродѣ разрѣзовъ, наколовъ и тому подобныхъ скважинъ. Для вскрытія письма конвертъ разрѣзанъ былъ ножницами по всѣмъ четыремъ сторонамъ, — точнѣе: по всѣмъ четыремъ ребрамъ его отрѣзаны были по прямой линіи сгибы бумаги. Эти отрѣзанные сгибы были расправлены и также тщательно разсмотрѣны: бумага найдена цѣльною; слѣдовательно, разрѣзы съ послѣдующею заклейкою не могли имѣть мѣста. Самое письмо *) найдено 1) приклееннымъ къ одной изъ внутреннихъ сторонъ конверта, какъ это сдѣлано было мною по вложеніи письма въ конвертъ и 2) крестообразно обвернутымъ въ узкую (въ 1 сант.) ленту изъ тонкой (вродѣ папиросной) бумаги особаго цвѣта и рисунка; причемъ концы ленты были приклеены также ко внутреннимъ сторонамъ конверта; это тоже сдѣлано было мною

*) Здѣсь уже я называю письмомъ то, что составляло вложеніе въ конвертъ.

при изготовленіи письма. Очевидно, что для того, чтобы вынуть письмо изъ конверта, его (письмо) нужно было оторвать,—словомъ, отклеить отъ стѣнки конверта, и чтобы письмо развернуть (вынимая или не вынимая изъ конверта), необходимо было порвать упомянутую бумажную ленту, такъ какъ хотя она лежала на письмѣ и свободно, но совершенно лишала возможности, безъ поврежденія ея, вынуть или развернуть листы, въ ней заключавшіеся. Но по осмотру стѣнокъ конверта съ внутренней стороны не обнаружено никакихъ слѣдовъ отклеиванія и приклеиванія, ни въ клапанахъ, ни въ томъ мѣстѣ, гдѣ бумага письма соединена была клеемъ съ бумагою конверта; въ совершенной же цѣлости оказалась тонкая бумажная лента, окружавшая письмо и приклеенная по концамъ къ конверту. Письмо состояло изъ двухъ листовъ «плотной» почтовой бумаги большого формата. На одномъ изъ нихъ мною написана была чернилами чернаго цвѣта (почеркомъ настоящаго письма) слѣдующая фраза въ двѣ строки:

Есть въ мірѣ вещи, которыхъ не снилось мудрецамъ.

Этотъ листъ сложенъ былъ въ четыре раза, притомъ такъ, что при первомъ переломѣ (перегибѣ) бумаги линія перелома дѣлила строки на двѣ части, которыя при первомъ сложеніи листа совпадали, а потому, если бы была возможность видѣть «на свѣтъ» написанное сквозь сложенную одинъ разъ (только) бумагу, то и тогда нельзя было бы разобрать словъ, такъ какъ, совпадая, они измѣняли фигуры буквъ,—словомъ, портили, уничтожали написанное. Свернутый вчетверо листъ съ написанною фразою обернутъ былъ еще такимъ же точно листомъ бумаги, также сложеннымъ вчетверо, и затѣмъ уже письмо въ такомъ видѣ обложено было описаннымъ порядкомъ бумажною лентою. Прочитать «на свѣтъ» написанную фразу при такомъ сложеніи и при такой оберткѣ письма, да еще сквозь бумагу (также очень плотную), составляющую конвертъ, представляется невозможнымъ при какихъ бы то ни было условіяхъ, по крайней мѣрѣ, на мой взглядъ. Вотъ почему и не допуская, по вышеприведеннымъ соображеніямъ, возможности вскрытія моего письма и приведенія его затѣмъ въ прежній видъ (во всѣхъ деталяхъ), я не могу не выразить своего удивленія по поводу факта прочтенія г-жею М—вой моего письма при такихъ, на общежитейскій взглядъ, ненатуральныхъ условіяхъ.

Изъ сопоставленія моей фразы съ разгадкою удивительной

отгадчицы видно, что она ошиблась въ одномъ словѣ, а именно: вмѣсто «мудрецамъ», прочитала «намъ».

Обстоятельство это, которое, съ извѣстной точки зрѣнія, можетъ служить только доказательствомъ способности г-жи М—вой отгадывать такія нелегкія загадки и отсутствія въ опытѣ фальши, обмана, признаковъ фокуса (уменьшилось ли бы значеніе факта, еслибы г-жа М—ва, правильно прочитавъ первую половину фразы, исказила всю другую половину ея?! Отрицательный отвѣтъ ясенъ), такъ это обстоятельство, говорю, даетъ мнѣ поводъ высказать нѣсколько личныхъ предположеній.

Помнится мнѣ, что когда я писалъ для настоящаго опыта фразу, то *первое мое желаніе было написать* такъ: есть въ мірѣ . . . . не снились *намъ*. Но, не написавъ послѣдняго слова, передумалъ и хотѣлъ вмѣсто его написать—*врачамъ*, а затѣмъ снова передумалъ и написалъ— *мудрецамъ*. Если мнѣ на этотъ разъ не измѣняетъ моя память, то не прочитала-ли г-жа М—ва послѣднее слово фигурирующей въ данномъ случаѣ классической фразы такъ, какъ оно готово было быть воспроизведеннымъ по моему *первому желанію,* по *моей первой мысли?* Не могла ли отгадчица прочитать *самую мысль* въ той формѣ, которая соотвѣтствовала моему *первому* представленію? Да и что, въ самомъ дѣлѣ, для нея, читающей написанное другими черезъ десять оболочекъ, это самое писаніе, этотъ шрифтъ, эти чернила, короче—вся эта физическая сторона дѣла?? Не справедливо ли думать, что для нея, столь необыкновенно воспріимчивой, все равно читать написанное мною на бумагѣ чернилами, или то, что я *только хотѣлъ* написать (мысленно написалъ) или написалъ на этой бумагѣ пальцемъ (безъ отпечатковъ и оттисковъ)? Эти выводы, эти предположенія (быть можетъ, съ научной точки зрѣнія, до курьезнаго смѣлыя) напрашиваются какъ-то сами собою въ виду разсматриваемаго до необычайности исключительнаго факта.

Позабылъ сказать въ своемъ мѣстѣ, что почеркъ руки, коимъ воспроизведена въ разгадкахъ фраза, я признаю дѣйствительно сходнымъ съ моимъ почеркомъ.

Въ заключеніе, справедливость обязываетъ меня замѣтить здѣсь, что возвращенное мнѣ мое письмо (собственно и только конвертъ) было нѣсколько помято, какъ будто ощупывалось руками.

Я остановился такъ долго на описаніи даннаго факта въ виду